

Семья Рин

Алла Мелентьева

Алла Мелентьева

Семья Рин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57119831

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04057-1

Аннотация

Ирэн Коул, юная американка с русскими корнями, потеряла свою семью в толпе беженцев в порту Шанхая в 1941 году. Она становится танцовщицей в ночном клубе, но скоро попадает в лагерь для интернированных лиц. В борьбе за выживание она вынуждена полагаться на японского офицера, который в нее влюблен. Десять лет спустя она живет в качестве его официальной любовницы и является членом влиятельного японского клана. Однажды она обнаруживает, что ее семья пережила войну. Ей предстоит сделать выбор между своей неустойчивым положением иностранки в Японии и обманчиво возрожденным прошлым.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	54
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

В воскресенье, двадцать четвертого апреля 1931 года, примерно в начале десятого утра я стояла у открытого окна в ночной рубашке и смотрела вниз на улицу, с любопытством вглядываясь в редких прохожих. Я часто так делала в те времена: ждала, когда кто-то появится из-за угла, и придумывала для этого человека историю жизни, пририсовывала ему своей фантазией семью, родственников и друзей. Это было мое любимое утреннее развлечение. Очень типичное развлечение для девочки восьми лет.

Наша квартира находилась в комплексе новых домов во Французской концессии. На улице тихо. В квартире за пределами комнаты, наоборот, шумно, привычно шумно.

В те времена мое имя было Ирина Коул. Я родилась в Шанхае в 1924 году. Моя мать, Елизавета Коул, урожденная Соколова, – иммигрантка из России. Мой отец, Джордж Коул, – американец, служащий американской торговой компании. У меня была сводная сестра по матери, Анна, и родные сестра и брат, Лидия и Александр, двойняшки. Я – самая младшая в семье, тихий ребенок-интроверт.

Я слышу краем уха, как мать громко говорит отцу: «Сегодня двадцать четвертое апреля, а не двадцать третье! Вечно ты путаешь, Джордж!», и Лидия повторяет за ней, копируя ее манеру: «Сегодня же двадцать четвертое, папа!» «Сего-

дня двадцать четвертое апреля!» – бормочу я, пародируя их обеих, – мне не нравится, когда они разговаривают с отцом таким тоном. Именно так я и запомнила, что этот день был двадцать четвертым апреля.

Когда мне надоело вытягивать шею, чтобы разглядеть, что происходит за массивным подоконником, я побрела в столовую, где уже собралась вся семья.

Я немного медлю в полутьме большого коридора перед открытой дверью в столовую – мне нравится наблюдать за всеми как бы со стороны, отстраненно, пока никто еще не догадывается о моем присутствии. Я чувствую себя, как зритель в театре.

Я вижу семью Коул – всех, кроме меня, – за завтраком. Мой отец, молодежавый, слегка желчный на вид, закрылся газетой и погружен в чтение. Я знаю, что он не упускает ни одного момента дистанцироваться от домашних. Я знаю это, потому что похожу на него. В меньшей степени эта склонность выражена у Александра, моего десятилетнего брата, а вот мать, Анна и Лидия совсем из другого теста. Они шумные, бесцеремонные, вечно во все суют нос и жить не могут без болтовни, скандалов и сплетен.

Анна и Лидия вырывают другу друга сахарницу и сталкиваются со стола чашку. Моя мать, благообразная пышущая здоровьем матрона, тип «наседки», с виду немного старше мужа, старается их утихомирить.

– Немедленно прекратите! – кричит она по-русски. – Бо-

же, и это девицы из приличной семьи! Лидка! Лидия, что я сказала! А ну прекрати!

Мама выхватывает сахарницу, бьет по рукам десятилетнюю Лидию и толкает на место тринадцатилетнюю Анну.

Александр, который только что вошел в столовую, избалованный «единственный сын в семье», зевает, берет кусок хлеба с маслом, запихивает его в рот.

– Александр, сядь! – кричит мать. – Это не делают стоя! Господи, за что я наказана!

Тут на сцене нашего семейного театра появляюсь я, восьмилетняя девочка в ночной рубашке. Я врываюсь в столовую и делаю попытку забраться на стул.

Мать оборачивается и всплескивает руками:

– Это что за чудо-юдо! Ты куда это лезешь расхристанная! Я не пушу тебя такой к столу! А ну немедленно иди... – Она оттягивает меня от стула, подталкивает к дверям. – Живо умываться! В воскресенье – в таком виде! позорище!

– Я уже умывалась... – бормочу я по-английски.

– По-русски! По-русски говори с матерью! Сколько раз повторять?!

Мать всегда требовала, чтобы я говорила с ней по-русски. Но я была молчаливой робкой девочкой – типичным младшим ребенком в семье. Мое общение с матерью и свободно болтавшими по-русски братом и сестрами сводилось к обмену бытовыми фразами – слишком мало для полноценной языковой практики. Поэтому моя русскоязычность раз-

вилась однобоко: в восемь лет я отлично понимала русский, как, впрочем, и сейчас понимаю, но никогда я не была способна выразить на нем сложные мысли и понятия. Как будто на меня наложили печать немоты в пространстве этого языка.

Лидия и Анна опять дерутся.

– Лидия! Опять!.. Девочки! – кричит мать и бросается разнимать их.

Я и Александр бесстрастно наблюдаем.

– А отцу все равно! А отцу наплевать! Джордж! Господи! Да будет ли у нас приличный дом когда-нибудь?!

Отец на миг поднимает взгляд и опять утыкается в газету.

Старшие сестры хихикают.

– Ну мама! Он же все равно не понимает по-русски! – говорит Лидия.

– Зачем я вышла замуж за этого человека! Погубленная жизнь!.. – восклицает мать по-английски – драматизм ее реплики вновь на мгновение превращает семейный завтрак в подобие театральной постановки, – а затем вздыхает и добавляет более бытовым тоном, снова по-русски: – Ирка, марш переодеваться!

Я флегматично выплываю из комнаты, и после этого вся сценка гаснет в моей памяти. Так и не вспомнить мне никогда, каков был вкус того воскресного завтрака, помирились ли старшие сестры, сумела ли тогда мать вывести отца из его обычного состояния безучастности...

Еще одно воспоминание из самых ранних лет моей жизни: мы с матерью ждем у дверей студии, пока у Александра, Лидии и Анны закончится урок танцев, и затем они выходят к нам, одетые в специальную форму, запыхавшиеся и важные от сознания значительности своих занятий, а я тихо им завидую, потому что мать, из соображений экономии, посчитала, что я еще слишком мала, чтобы отдавать меня вместе с ними в студию.

Однако, хотя я и завидую брату и сестрам, мне и в голову не приходит просить, канючить и уговаривать мать записать и меня тоже в танцкласс. Как я теперь понимаю, в этом и заключалась особенность моей личности: я словно бы всегда предпочитала плыть по течению, воспринимая любые события как должное, не стараясь изменить их, но приспособливаясь к ним. Некоторые назвали бы это слабостью, но на самом деле это просто такое свойство характера. Это личностное своеобразие. Это просто один из способов существования в нашем мире – не лучше и не хуже других.

Из воскресных воспоминаний примерно того же периода: мы все вместе, исключая отца, который обычно не участвует в наших прогулках, заходим в православную церковь и слушаем службу. Мать набожно шепчет молитву. У брата и сестер хватает терпения стоять спокойно, но я быстро устаю, отвлекаюсь, верчу головой. Священник смешно запинается, читая текст. Я и Лидия фыркаем. Лицемерка Лидия тут же

берет себя в руки, делает набожную физиономию и отвешивает мне подзатыльник, который я воспринимаю смиренно, как младшая в семье.

Когда мы возвращаемся из церкви домой, навстречу падает богатая китайка с девочкой. Девочка держит красивую куклу.

Я засматриваюсь на куклу, замедляю шаг и почти повиесаю на Лидии, которая по приказу матери вынуждена держать меня за руку.

Лидия раздраженно отпихивает меня и ускоряет шаг.

– Да ну тебя! Сама иди! – говорит она, всегда готовая показать, что такие малолетки, как я, ей не пара.

Отстав, я бросаюсь догонять семью.

Я всегда думала: как странно, что я так и не выучилась толком говорить по-русски, хотя для этого были все условия. Я привыкла только понимать русский, но не говорить на нем. Я отлично понимаю этот язык и могу, если надо, сделав небольшое усилие, ответить без акцента. Но все-таки это только видимость. Психологи утверждают, что в этом нет ничего необычного, что полубилинговов гораздо больше, чем билинговов.

Русский был языком для домашнего использования. Гораздо чаще я говорила на английском и французском. На этих языках велось преподавание в школе.

Кроме того, мой постепенно спивающийся отец часто раз-

говаривал со мной на английском. Не то чтобы я была его любимицей – он выделял меня чисто по принципу противоречия: раз я считалась самой незначительной в семье, то вот он и выбрал меня себе в соратники по отстранению от всех. Я думаю, по этой же причине он стремился привить мне привычку говорить на английском – чтобы расширить свое англоязычное пространство и создать заслон от экспансии шумного и нежеланного влияния русской жены.

Я вспоминаю, как он вслух читает мне «Винни-Пуха», лежа на диване в гостиной. Я сижу на стуле рядом и слушаю со смешной серьезностью. Где-то на заднем плане мать вытирает пыль с мебели – она никак не могла привыкнуть, что это занятие для прислуги, – и, как обычно, что-то выговаривает то ли Анне, то ли Лидии.

Отец забавно изображает персонажей из «Винни-Пуха». Я смеюсь.

Отец откладывает книгу, берет бутылку, стоящую рядом с диваном, отхлебывает и спрашивает тоном экзаменатора:

– Как тебя зовут, дитя?

Я с готовностью отвечаю, произнося свое имя на русский манер:

– Ирина Коул!

– Нет! Ответ неверный!

Я спохватываюсь и произношу свое имя на английский лад:

– А! Ирэн! Ирэн Коул!

– Нет! Твое имя – Айрини! – торжественно говорит отец.

– Айрини?.. – заинтригованно повторяю я.

– Так звали даму в книге одного английского писателя – Айрини. Это дама из высшего света! Она была загадочная и превосходная! – поясняет отец.

То, что отец удостоил меня сравнением с какой-то дамой из высшего света, приводит меня в восторг.

– Ого! Загадочная и превосходная! О, я тоже буду такой! – восклицаю я.

Отец и мать поженились по любви, но к моему рождению эта любовь прошла. Тогда я, конечно, не понимала их отношений. В них, по-видимому, было довольно много житейской грязи, но, пока не доходило до открытых стычек, у родителей хватало ума с грехом пополам держать свои счета подальше от детей.

У отца была любовница-китаянка. Моя мать давно смирилась с наличием китаянки, но не могла смириться с тем, что он делал этой женщине щедрые подарки, оттягивая, таким образом, деньги от семейного бюджета. Думаю, что отношения моих родителей можно было бы назвать бесконечным нейтралитетом, при котором мать и отец почти не разговаривали друг с другом. Нейтралитет изредка переходил в недолгое семейное благоденствие, но чаще нарушался скандалами и сценами со слезами и рукоприкладством – обычно из-за денег.

Я вспоминаю, как я, маленькая девочка, просыпаюсь от

приглушенного шума в гостиной, вскакиваю и бегу туда. Притаившись у дверей, я с детским ужасом наблюдаю, как растрепанная мать пытается что-то вырвать из рук отца.

– Негодяй! Я так и думала! Ты уже и до этого скатился! – страстно обвиняет мать.

– Уйди с дороги, – коротко говорит отец.

– А те деньги? тоже пошли этой шлюхе? А дети пусть с голоду помирают, да?!

Отец отталкивает ее. Она бросается на него. Он очень сильно, больше не сдерживая злость, толкает ее, она падает.

Мать срывается на крик:

– Ах, свинья! Ненавижу! Если бы не дети!..

Мимо меня вихрем пронесется Анна, врывается в комнату, обнимает мать, помогает ей встать.

– Mamochka!.. Mamochka! что этот подлец опять тебе сделал?.. – с плачем спрашивает она.

Я тоже начинаю плакать. Лидия, которая уже прибежала и стоит рядом, тоже всхлипывает.

Отец выходит, делая вид, что не замечает нас, – и надолго покидает дом, скорее всего, отправляется к своей китайской любовнице.

Все стычки родителей слились в моей памяти в эту обобщающую сцену. Подобные эпизоды повторялись бесчисленное количество раз с некоторыми вариациями: то вдруг в ссору вместо Анны вклинивался Александр, то мы с Лидией начинали разминать родителей, то анекдотическим образом

внезапно в самый разгар конфликта выяснялось, что в другой комнате загорелась занавеска от солнечного луча, прошедшего через забытую кем-то лупу, – и все, забыв о разногласиях, бросались тушить пожар.

Но несмотря на то, что у нас были свои «скелеты в шкафу», я бы не назвала себя ребенком с ужасным детством, а семью несчастливой. Не было даже раскола детей на лагеря поддержки кого-то из родителей, если не считать Анны, которая всегда была настроена против отчима. Обычная семья среднего класса из Французской концессии. Только сейчас – спустя много лет – я начинаю понимать, что росла в довольно экзотичном окружении. Но тогда эта экзотика воспринималась как норма, как часть жизни.

Иногда в памяти всплывают картинки из прошлого, которые заставляют меня думать, что моя семья в некотором смысле могла считаться счастливой. Редкие моменты, когда мы все ощущали себя как единое целое. Эти эпизоды содержат такой запас счастья, что, даже просто вспоминая о них, я чувствую себя счастливой.

Такое понимание единения с моими родными однажды снизошло на меня в кинотеатре, где мы сидели все вместе в одном ряду и смотрели картину с печальным концом.

Мать, сестры и я дружно заливаемся слезами. Александр и отец насмешливо посматривают на нас.

– Вот дурочки – плачут! Смотрите на них! Скоро все платки прорвутся! – шепотом по-русски издевается над на-

ми Александр.

Тема платков действительно назрела. Лидия громко сморкается. Я тоже громко шмыгаю носом.

Отец, сидящий в конце ряда, достает платок из кармана и передает нам его через Александра, бормоча что-то про необходимость «предотвращения всемирного потопа».

После киносеанса мы возвращаемся целой процессией домой по ночной улице. Мать и Анна впереди. За ними бредем я и Лидия, в лицах изображая героев только что просмотренной картины. За нами – брат. Отец медленно едет за нами в автомобиле.

– Ах сэр! вы разбили мне сердце! мне жизнь не дорога без вас! – страстно восклицаю я, прижимая руки к груди.

– Нет! было вот так: «Ах, сэр! я погибну от любви к вам!» – поправляет меня Лидия.

Впереди мать рассуждает с Анной тоже на тему любви, но немного в другом ключе.

– Да... Настоящие мужчины умеют сильно любить... Как же я мечтаю, чтобы вы, мои девочки, встретили таких!.. Но – увы! Такие мужчины редки... Пример с вашим отцом показывает, что... К сожалению, это... Хотя тебе рано об этом знать... – Мать вздыхает, и, оборачиваясь, зовет: – Ирина, Анна! Где вы там! Почему вы так отстали?

– Я не Анна, мам, – насмешливо откликается Лидия, и все дети хихикают.

– Ох, прости господи!.. – сокрушенно говорит мать.

Александр задерживается у лотка и покупает китайские сладости на деньги, которые дал ему отец. Он догоняет меня и Лидию.

– Мадемуазель! силь ву пле! – галантно говорит он, вручая каждой из нас по пригоршне.

– Мерси, – жеманно благодарит Лидия, и я вслед за сестрой, старательно подражая ей, с той же интонацией тяну «мерси». Но Александр уже не слышит меня – он бросается догонять мать и Анну и тоже одаривает их липучками, приговаривая: «Мадам, мадемуазель, силь ву пле!»

Иногда мать устраивала в квартире масштабную генеральную уборку – это было очень увлекательно. На свет божий вытаскивались все вещи, которые валялись забытые в дальних углах, и, пока их чистили, мать вспоминала и рассказывала нам истории о том, откуда они взялись.

В такие дни мать нанимала двух-трех работниц-китаянок, а мы, дети, помогали им таскать кипяток в ведрах, или сортировали белье и одежду, или сами стирали, или протирали то, что требует особенно деликатного обращения. В те моменты казалось, что весь мир сосредоточен вокруг семьи Коул.

Вот в моей памяти оживает картинка, как мы все с энтузиазмом занимаемся общим делом: Лидия выкручивает и развешивает выстиранное белье, я сортирую одежду по корзинам, мать и работница-китаянка ставят на огонь таз с водой.

Анна в глубине кухни полощет уже чистое белье, затем начинает строгать мыло для мыльного раствора – ей помогает Лидия; чуть позднее к ним присоединяюсь я.

Мы строгаем мыло и слушаем историю о том, как мать сбежала в Шанхай из большевистской России со своим первым мужем и трехлетней Анной. Мы знаем эту историю наизусть, но каждый раз снова замороженно слушаем ее, потому что она напоминает нам сказку.

– ...А когда мы, русские беженцы, получили наконец разрешение от властей сойти на берег, первое время мы жили в страшной нищете! Я с Анной на руках, – рассказывает мать. – Анна была вот такая крошечная и постоянно просила «мамочка, дай хлебушка»... Это было в двадцать втором, да, в двадцать втором... Подумать только, совсем немного времени прошло, а как все изменилось...

– Я совсем ничего такого не помню... Невероятно... Не может быть... – с сомнением говорит Анна, сидящая рядом со мной.

– Еще бы!.. Тебе было три года... Но потом я сразу сориентировалась и вышла замуж за Джорджа – и стало легче. Мне завидовали очень многие: ведь я была не так уж и молода, и с ребенком – но мне удалось и создать опять семью, и получить американское гражданство. А потом, через год, родились двойняшки – их назвали в честь русских дедушки и бабушки, их в России замучили большевики; а еще через год родилась Ирочка...

Я, услышав свое имя, поднимаю голову и настораживаюсь, готовясь насладиться коротким мигом внимания к моему положению в семейных хрониках.

– Я так назвала тебя в честь старшей сестры... Она, бедняжка, тоже погибла в гражданскую... – вздыхает мать и готовится еще что-то сказать обо мне, моем имени и моей погибшей от рук большевиков русской тете, по всей видимости, замечательной, потому что не зря же меня назвали в ее честь.

Однако Анна перебивает:

– То, что ты говоришь, мамочка, напоминает эпизод из Средних веков...

Мать вздыхает.

– Да, теперь-то мы избалованы хорошей жизнью. Вам и представить невозможно, каково оказаться без крова на чужой земле! Эх, девочки мои!.. Вы живете сейчас, не зная горя, – вы не представляете, какой ценой я создавала это благополучие! Вот что я скажу: всегда держитесь друг друга! Самое дорогое, что может быть, – это семья! Кто поможет тебе в этом мире, если не самые родные, близкие люди? – Никто!

Лидия брызгает водой из таза на кошку, сидящую на подоконнике, – кошка взвивается и убегает. Я перестаю вслушиваться в то, что говорит мать, и хохочу вместе с Лидией. До сих пор жалею, что отвлеклась: может быть, именно в тот раз мать рассказала что-то очень важное о нашей семье – что-то такое, что позволило бы моей памяти настолько сильно

зацепиться за моих родных, что они смогли бы остаться со мной и после того, как воспоминание погаснет.

Практически все самые яркие воспоминания детства связаны с семьей. Единственным событием, где память не только зарегистрировала взаимоотношения в семье, но и отметила некоторый интерес к внешнему миру, было посещение банка с отцом и Александром в один солнечный сентябрьский день.

Мне десять лет. Отец взял нас на прогулку. Для меня это небывалый, невиданный праздник. Я невероятно горжусь: наши мужчины снизошли принять меня в свою компанию. Отец везет нас в парк, и по дороге мы заезжаем в банк. Пока отец решает какие-то вопросы с банковским управляющим, мы с братом сидим на мягком кожаном диване и, беззаботно болтая ногами, разглядываем все, что нас окружает.

Офис банка похож на зал из сказочного дворца: вращающиеся стеклянные двери, хрустальные люстры и повсюду на стенах зеркала. Из больших окон на мраморные плиты пола – черные и белые, как на шахматной доске, – падают резкие розоватые лучи предзакатного солнца и тянутся дальше, вглубь просторного помещения, делая объемнее и ярче все предметы на своем пути. Приветливая девушка-контрщица угощает нас шоколадными конфетами и с улыбкой спрашивает, не принести ли чаю.

Из банка мы не спеша идем к парку через залитую солнцем площадь. Неподалеку шумит стройка, на этом месте ско-

ро будет суперсовременное здание – «как в Нью-Йорке», так говорят в нашей семье обо всех новшествах. Репортер-американец с фотокамерой останавливает молодого китайца, который катит тачку с цементом, и просит его позировать для снимков. В моей голове проносятся соображения о том, что американец ведет себя странно. Зачем делать фотографии никому не интересного китайского рабочего, если можно запечатлеть меня, маленькую принцессу, разве я, моя семья и другие семьи белых шанхайцев не являемся центром и сутью шанхайской жизни? Это было первое и, наверное, единственное в моей жизни проявление колониального сознания. Я чувствовала себя избранницей судьбы, вокруг которой должна вращаться вселенная, – так совокупно подействовали на меня хорошая погода, ощущение безопасности в обществе отца и брата и короткое погружение в атмосферу колониального комфорта. Освещенный розовым солнцем Шанхай в те мгновения представал предо мной во всем великолепии как город гордых белых людей, живущих в красивых и чистых домах, таких как это здание, которое возводят неинтересные, испачканные цементом китайцы. И конечно, я совсем не могла предположить, что этой торжествующей белой цивилизации осталось существовать считанные годы.

Глава 2

Александр учился в школе для детей американцев, а нас, девочек, мать определила в школу при французском муниципальном совете.

В этой школе учились дети подруги матери, Александры Федоровны Татаровой. Татаровы владели полотняной фабрикой и гостиницей, были очень богаты и входили в элиту русской общины Шанхая. Мать чрезвычайно дорожила знакомством с этой семьей. Она мечтала выдать Анну за Николая, старшего сына Татаровых, которого звали на французский манер Николая.

Николя был принцем из сказки для всех русских девушек из Французской концессии. Он и вел себя как принц: то таинственно исчезал, то с блеском появлялся. Когда он исчезал, говорили, что он уехал слушать курс в Оксфорд или отправился путешествовать по Европе, а когда появлялся, к нему невозможно было подступить из-за вечно окружавшей его толпы друзей по яхт-клубу и боготворящих его девиц на выданье.

Для нашей семьи, однако, этот баловень судьбы был почти своим человеком, потому что Татаровы и наша мать вместе прибыли в Шанхай из России и вместе прошли через лишения двадцатых годов. Когда мать удачно вышла замуж за моего отца, Татаровы жили впроголодь, и мать часто помога-

ла им сводить концы с концами. В те времена они с Марией Федоровной были закадычными подругами, но после того, как в семью Татаровых пришло богатство, Мария Федоровна стала несколько отдаляться. Даже наша простодушная мать отмечала это почти неуловимое отдаление и все чаще ворчала в том духе, что «Машка что-то слишком кичится перед нами».

В их дружбе мать теперь была зависимым лицом, а Мария Федоровна – свободным, так как Мария Федоровна не имела никаких интересов, а мать как раз имела явно выраженную заинтересованность в женитьбе Анны и Николая. Имея эту цель постоянно в поле зрения, она даже отдала нас в ту же школу, где учились младшие дети Татаровых, в надежде, что наше постоянное общение с ними укрепит связи между семьями и повысит шансы старшей дочери на брак.

Между тем как-то само собой получилось, что ни я, ни Лидия – ровесницы младших Татаровых – не общались с ними в школе и не обращали друг на друга никакого внимания. Дочери Татаровых имели подруг из семей, которые лучше соответствовали их положению, а с нами только вежливо, но равнодушно здоровались при встрече, помня, что их мать прительствует с нашей.

Они приезжали в школу и уезжали из нее на автомобиле с личным шофером, и каждый раз после уроков нам с Лидией приходилось немного задерживаться в классе, чтобы случайно не столкнуться с ними у входа – ведь в таком случае

они вынуждены были бы предложить подвезти нас до дома, а нам пришлось бы придумывать повод, чтобы отказаться. Это было бы неудобно и им, и нам.

Лидия, бывало, стоит у окна пустой классной комнаты, скрестив руки на груди, и высматривает, выехал ли автомобиль Татаровых со двора.

– Ну езжайте же уже, езжайте, – недовольно бормочет она себе поднос, глядя, как дочери Татаровых непринужденно болтают с кем-то из учениц, а неподалеку шофер придерживает для них открытой дверцу автомобиля.

Я подхожу к окну из глубины класса и тоже смотрю вниз, в залитый полуденным солнцем двор.

– Богатые – счастливички, правда? – беспечно говорю я сестре. – Разве ты не хотела бы тоже приезжать каждый день на автомобиле в школу?

Лидия кривит губы и фыркает.

– Мать велит тебе говорить со мной по-русски – а ты опять мямлишь что-то по-английски, – пеняет она мне, обходя тему татаровского богатства.

Она, как и Анна, завидовала дочерям Татаровых и именно поэтому старалась не упоминать о них. Великолепие жизни, в которой мои сестры не могли участвовать, раздражало их обеих, и они вечно делали вид, что им безразлично.

Но это показное равнодушие не всегда удается скрывать, когда мы приходим в гости к Татаровым.

Привратник открывает витую калитку во двор богатого

особняка. Перед нами роскошный дом, окруженный великолепным парком. Такая концентрация богатства напоминает рай на земле, и невозможно ею не восхищаться.

Мы идем по аллее к дому. Я и Лидия дергаем друг друга за рукава, привлекая внимание к тому, что поразило наше воображение: фонтану, беседкам, обвитым розами, павлинам на лужайке. Анна и Александр ведут себя сдержанней, но я чувствую, что и они оглушены размахом и блеском особняка.

Затем нас принимает Мария Федоровна в своей потрясающе шикарной гостиной. Мы, дети, сгруппировались вокруг матери в одном конце зала. В другом конце, словно королева на троне, величественно восседает госпожа Татарова, а по обе руки от нее – ее отпрыски: слева – дочери-подростки Мэри и Софья, справа – Николая, двадцатилетний красавец, мечта всех русских невест Шанхая.

Мать, бедняжка, очень старается «поддерживать тон»: поддакивает каждому слову Татаровой, хлопчет лицом. Мария

Федоровна ведет себя, как снисходительный манерный истукан. Дети благовоспитанно слушают разговор старших – с разной степенью скуки и безучастности на лицах. Только нашу Анну нельзя назвать безучастной, хотя она и делает изо всех сил вид, что ей скучно, – ведь каждая встреча с Николаем воспринимается ею как еще один шаг к счастливому замужеству. Не знаю, что думал на этот счет Николай, но с

Анной он всегда держался очень мило, и они действительно были друзьями детства.

– Макс прислал письмо из Лондона... Удивительные вещи пишет... – растягивая слова, словно бы пытаясь специально показать, как ей, в сущности, безразличен наш приход, говорит госпожа Татарова. Затем, обращаясь к сыну, просит: – Николая, будь добр, передай письмо со стола.

– Да, маман, – любезно отвечает Николай, только что сдержавший позыв к зевоте.

Мария Федоровна, принимая письмо, ласково гладит сына по руке:

– Николай нас тоже радует! Первый в списках студентов! За блестящие отметки отец подарил ему автомобиль...

– Ах, какой умница! – чрезмерно умиляется мать. – Я не перестаю восхищаться твоими детьми, Машенька!

Я чувствую: сестрам и брату не нравится это замечание. Лидия кривит губы, а Александр рефлекторно дергает подбородком. Анна старательно улыбается, но виду нее оцепенелый. Мать слегка перестаралась в своем незатейливом рвении сказать любезность. Зачем так нахваливать чужих детей, если есть собственные!

Зато, когда мы покидаем особняк и дворник запирает за нами калитку, настроение матери резко меняется. Добродетели семьи Татаровых теперь уже не восхищают ее, а наоборот – раздражают. Она дает волю чувствам и принимается заочно сводить счеты с Марией Федоровной за холодность

приема.

– Слыхали?! Она еще смеет передо мной хвастать!.. Да кто она такая, эта Машка? Вы посмотрели бы на их жалкий вид, когда они сюда приехали! – гневно восклицает она, а затем, приободрившись, добавляет убийственный, по ее мнению, аргумент, который должен развеять в пыль превосходство Татаровых над нами: – А зато у нас – американское гражданство! Пусть-ка попробуют получить американское гражданство! Ха-ха!

– А американское гражданство – это хорошо, мама? Это почетно? – спрашивает Лидия.

– Еще бы! Хоть у них деньги, а зато у нас – гражданство! А без гражданства кто они? Тьфу – плюнуть и растереть! – эмоционально заявляет мать.

Кроме Татаровых, у нас не было близких знакомств в среде русской эмиграции. Мать иногда вспоминала о какой-то Наташеньке, с которой она дружила в горькие двадцатые, но эта Наташенька непонятным образом куда-то исчезла: то ли умерла, то ли сгинула в каком-то борделе.

Те русские, с которыми нас время от времени сводила судьба, либо были бедны и сразу пытались как-нибудь использовать знакомство с матерью, к примеру выклянчить место в компании отца, либо были богачами вроде Татаровых и не интересовались таким скромным знакомством.

Наш социальный статус был довольно сомнительным и для того, чтобы войти на равных в круги американских или

британских экспатриантов. Отец жил своим пристрастием к азартным играм, спорту, посещая ночные клубы со своей китайской любовницей, и был совершенно равнодушен к тому, какое положение его семья занимает в местной иерархии. Моя русская мать выглядела в глазах изысканных американок нелепой старомодной дурочкой, и они даже не прилагали усилий, чтобы скрыть свое презрение к ней, когда она появлялась на приемах для американских граждан.

Я помню, как однажды на рождественской елке для детей сотрудников компании отца меня впервые больно поразило положение моей матери.

Мне тогда было около девяти лет, и я была в совершенном восторге от праздника. Мне нравились веселый Санта Клаус с пышной бородой и прекрасная, как ангел, дама-распорядительница, чьи драгоценности сияли не хуже рождественской елки.

Я, Лидия и Александр – Анны с нами нет, Анна уже слишком взрослая для таких праздников – стоим в очереди за подарками. Их выдают у роскошной новогодней ели Санта Клаус и добрая дама-распорядительница.

– А сейчас мы послушаем тех, кто прочитает стишок про Рождество!.. Ну-ка, дети! Кто из вас расскажет Санте?.. – призывным голосом подстегивает нас дама-распорядительница.

Веселый Санта Клаус подхватывает:

– Да, ребяташки! кто расскажет мне стишок?! я дам вам

за него отличный подарок!

Он трясет мешком перед нашими носами, хотя все знают, что подарки не в мешке, а сложены аккуратной стопочкой за елкой.

– Я! – Я знаю стишок про Санту!.. – звонко выкрикивает самый смелый мальчик рядом со мной.

Другие дети тут же подхватывают хором голосов: «И я тоже!», «Я тоже знаю стишок!» Некоторые даже подпрыгивают, чтобы Санта их заметил.

Дама-распорядительница выводит из круга детей крошечную девчущку.

– Давайте послушаем вот эту малышку, – говорит она.

Санта очень достоверно притворяется удивленным:

– Неужели такая маленькая девочка сумела выучить стишок о Рождестве? Давайте-ка послушаем ее.

Я знаю по опыту предыдущих рождественских елок, что Санта и дама-ангел заранее сговорились с родителями и приготовили подарки специально «для самой маленькой девочки», «для мальчика, который в этом году пошел в школу», «для девочки, которая каждую неделю пишет письмо бабушке в Нью-Йорк» и других мальчиков и девочек, каждого из которых выделяют какие-то замечательные качества. Я уже получила свой подарок, как «девочка, которая научилась красиво вышивать», и теперь просто стою в стороне. Пока самая маленькая девочка рассказывает свой скучный стишок, я оглядываюсь и отыскиваю взглядом мать в толпе

гостей.

Она, скромно ссутулившаяся в углу, выглядит чужой и одинокой в своем несовременном платье среди ультрамодных американок. Ей, видимо, очень неуютно здесь, но она бодрится и время от времени заставляет себя встряхнуться и распрямить плечи.

Американские матери сидят группой и оживленно о чем-то переговариваются, не обращая на нее внимания. Официант подвозит к ним на передвижном столике чай и пирожные.

Мать дожидается, когда тележка с угощением подъедет к ней, берет чашку, – но, когда она тянется за оставшимся пирожным, его перехватывает сидящая рядом американка. Мать опускает руку. Виду нее поникший и по-детски обиженный.

Американка притворяется, будто ничего не замечает, и отворачивается к своей собеседнице.

Я чувствую, что меня будто иголкой кольнуло в сердце. Даже если мама выглядит неотесанной по сравнению с этой элегантной женщиной – зачем с ней так поступать? Ведь это же моя мамочка! Мне хочется подбежать и обнять ее, чтобы утешить и защитить от красивых, но злых иностранок.

Но вдруг мать оживает, заметив что-то в стороне, и начинает тихонько, но сердито окликать кого-то и грозно жестикулировать. Я смотрю туда, куда смотрит она, и вижу, что Александр с каким-то мальчиком развлекаются тем, что

незаметно обдирают блестящую мишуру, развешанную по стенам. Мое внимание переключается, и я тут же забываю о том, как мою маму только что обидели, – а может быть, не забываю, а стараюсь поскорее выбросить из головы эту сцену, потому что слишком неприятно думать о том, что я видела.

Возможно, именно потому, что мать чувствовала себя белой вороной среди американцев, она прекратила попытки внедриться в их общество, когда я и Лидия достигли подросткового возраста. Она объясняла это тем, что Анна-де теперь невеста и следует сосредоточить усилия на том, чтобы поскорей устроить ее замужество с Николая, а для этого нужно пока держаться русских знакомств, чтобы вращаться в том же круге, что и он. Мы же с Лидией были пока еще малы, чтобы задумываться о нашем замужестве, поэтому временно можно было расслабиться и не беспокоиться о выводе нас в свет.

«Вот пристрою Анну, займусь вами, – говаривала мать. – И тогда уж, конечно, придется мне опять потаскаться на американские гулянки». И обычно добавляла, что очень жаль, что у господина Годдарда нет сыновей, а то бы она выдала нас за них. Помнится, Лидию ужасно возмущала такая перспектива. «Еще не хватало выйти замуж за сына господина Евразийца!» – фыркала она.

Господин Годдард, несмотря на британское подданство и свое английское имя – Оливер Годдард, – был полукровкой, сыном англичанина и дочери богатого китайского купца.

Детей от браков белых с азиатами называли евразийцами, поэтому Лидия и Анна, которые очень рано набрались колониальной спеси, презрительно окрестили его господином Евразийцем.

Господин Евразиец был другом моего отца по спортивному клубу. Ему было около пятидесяти. В юности он получил отличное образование в Англии, а затем вернулся в Шанхай, женился на некой Сью Браун, полукитайке, и занялся бизнесом. Жена его была женщиной болезненной и умерла вскоре после того, как он свел знакомство с нашей семьей. Детей у них не было.

Мать часто приглашала господина Евразийца с женой к нам на воскресные обеды. Мы не любили, когда они приходили. Это были очень скучные обеды. Господин Евразиец обычно поддерживал разговор общими фразами, а его хилая супруга всегда виновато улыбалась, кутаясь в шаль, и, казалось, была благодарна, когда мать не заставляла ее участвовать в беседе.

Сестры посмеивались над манерами и внешностью господина Евразийца. Он был больше похож на школьного учителя, чем на бизнесмена: вечно съезжающие на нос маленькие очки, прилизанные небольшие усы и такие же прилизанные волосы, аккуратный, но неброский костюм. С первого взгляда ни за что не поймешь, что он полукитаец, любой намек на китайщину тщательно вытравлен из его внешности и поведения, однако если приглядеться, то можно заметить за

очками осторожный и внимательный взгляд азиата, и всегда было какое-то смущение в его выражении лица, как будто ему неловко за то, что он, по виду человек белой расы, прячет в себе китайца.

Он был очень вежлив и молчалив, и никогда невозможно было понять, что он о вас думает. Нам, детям, он приносил конфеты и подарки, но ему так и не удалось добиться нашего расположения: Анна и Лидия называли его за глаза не иначе как «господин Евразиец», или просто «китаец», или «китаёза», я, как личность, не имеющая собственного голоса ни в каких вопросах, подражала сестрам, а Александру в те времена было все безразлично, кроме футбола.

Мы недоумевали, что заставляло наших родителей считать такого странного человека другом семьи.

«Зачем ты его приглашаешь, мам? – спросила однажды Анна. – Он же кошмарно скучный».

Матери не понравился этот вопрос, она вспыхнула и накричала на Анну за то, что та неблагодарна и не ценит доброты господина Годдарда – ведь он, этот добрейший человек, делает ей подарки, постоянно выручает нашу семью в денежных вопросах и присматривает, чтобы отец не поставил слишком много на скачках.

Глава 3

Мне было тринадцать лет, когда началась Вторая японо-китайская война и в Шанхай вошли японцы.

Начало войны запомнилось мне рассказами одноклассниц о том, как они видели из окон своих домов дым, тянувшийся от пожаров в китайской части города, и размещенной во всех газетах мира фотографией чумазого плачущего ребенка на рельсах железнодорожной станции «Юг», разбомбленной во время японского авианалета. Одна из моих американских подружек, чья семья жила неподалеку от Гавани, рассказывала, что, когда японские корабли отражали ночные налеты китайской авиации, в их квартире было светло от вспышек, как днем, и казалось, будто где-то идут бесконечные фейерверки.

В Шанхай потянулись беженцы, а иностранцы постепенно покидали город. Хотя и Французская концессия, и Международный сэттльмент были нейтральными зонами с собственным управлением, жить здесь становилось неудобно. К концу года в городе белое население в основном представляли семьи наиболее жадных бизнесменов, желавших нагреть на войне руки, сотрудники иностранных компаний, которые польстились на увеличенное из-за войны жалование, а также евразийцы и русские эмигранты – тем просто некуда было уехать.

Осенью тысяча девятьсот тридцать седьмого года даже наш вечно безразличный ко всему отец забеспокоился и принялся настаивать на отъезде. Мать яростно возражала. Она требовала, чтобы отец продлил контракт со своей компанией еще на несколько лет.

Мне очень хорошо запомнился бурный спор родителей о том, уезжать или оставаться. Все-таки это касалось нас всех. Мы, дети семьи Коул, выросли в убеждении, что Шанхай – временное пристанище, а наша настоящая страна – это Америка и рано или поздно наша семья уедет туда, за исключением, конечно, Анны, которая к тому времени, вероятно, будет замужем за Николая. Но отъезд в Америку представлялся нам невероятно отдаленным событием, это должно было произойти когда-нибудь потом, когда мы все станем взрослыми, выучимся и, возможно, у нас уже будут свои собственные семьи. Зачем же уезжать именно сейчас, когда нам хорошо, мы считаем Шанхай своим домом и все кругом нам привычно? В Америке нас никто не ждал, все близкие родственники отца умерли.

Мы все растерялись. Мы вдруг поняли, что нас пугают резкие изменения жизненного устройства. Точнее, это поняли я, Лидия и Александр, а мать и Анна и слышать не желали о том, чтобы уезжать.

– Ты всегда думал только о себе!.. Тебе плевать, что с нами будет!.. – путая от волнения русские и английские слова, кричит мать после того, как отец сообщил, что решил не

продлевать срок контракта. – Мы же собирались уезжать, когда дети закончат школу! Разве это разумно: все менять одним махом? Где мы будем жить в Америке? У нас там никого нет! Опять начинать жизнь заново?! О боже, этот человек меня убьет! Он меня доконает!

– Папа, может, в самом деле не надо... – тянет в замешательстве Лидия.

– Молчи! – обрывает ее отец и говорит, обращаясь к нам, детям: – Выйдите отсюда.

Я и Александр повинуюемся приказу и плетемся к дверям. Анна и Лидия остаются в комнате. Анна начинает всхлипывать, Лидия подходит к ней и обнимает, стараясь успокоить.

Мы с Александром стоим в коридоре и прислушиваемся к крикам за дверью.

– Ты не понимаешь, что происходит! ты можешь когда-нибудь соображать более широко? То, что ты хочешь, – опасно! – кричит отец.

Я почти никогда не слышала, чтобы отец кричал по какому-нибудь поводу, и поэтому чувствую еще большее беспокойство. Во время скандалов кричит обычно мать. Отец крайне редко повышает голос, предпочитая в основном отмалчиваться или отделяваться короткими репликами.

Я смотрю на брата. Александру тоже не по себе, но он уже научился внешне сдерживать волнение.

– А ты тоже хотел бы уехать? Ты считаешь, отец прав, что хочет увезти нас? – спрашиваю я.

– Ну... пожалуй, было бы неплохо наконец познакомиться с родиной... – говорит с важным видом Александр. – Я не прочь пожить в Америке. Я не боюсь япошек, но без бритов и американцев здесь будет не так шикарно...

Его рассуждения прерывает голос матери за дверью:

– Я пережила революцию! Я пережила эмиграцию!.. Все самое страшное я уже пережила!.. Чего нам бояться каких-то японцев?! И опять срываться с места и ехать куда-то? Зачем? Для чего?..

Мы слышим всхлипывания матери и растерянно переглядываемся с неммым вопросом в глазах: не стоит ли войти и вмешаться?

– Глупая ты женщина! Ты ничего не понимаешь!.. Дура!.. Дура!.. – теряя остатки терпения, кричит отец. Слышно, как он в раздражении отшвыривает от себя какой-то предмет.

Из дальней комнаты с кипой постельного белья чинно выплывает Минни, одна из наших ама, китайских служанок. Минни работает у нас много лет. Она обладает самым лучшим качеством восточных слуг – незаметностью. Не обращая внимания на крики родителей, она невозмутимо спрашивает, не видели ли мы запасной ключ от комода. Я ухожу вместе с ней искать ключ, а когда возвращаюсь, апогей скандала уже пройден.

Отец в холле накидывает пальто, собираясь уходить, – все ссоры всегда заканчиваются его уходом из дому на долгое время. Мать, вышедшая за ним из комнаты, продолжает при-

читать:

– Ты хочешь сделать это, потому что Анна тебе неродная! Тебе наплевать, что ты отнимаешь у нее шанс на замужество! Разве с родными дочерьми ты так поступил бы?.. Какая жестокость! Бедная моя девочка! У нее нет отца! О ней некому позаботиться!

Анна всхлипывает в глубине комнаты. Ее можно понять. Если она сейчас уедет в Америку, то уж никогда ей не бывать замужем за обожаемым Николаем. Я сочувствую сестре, но не могу сконцентрироваться на ее горе. Меня больше волнует, что нас ждет в Америке, сможем ли полюбить ее, примем ли мы ее и примет ли эта страна нас.

Отец уходит, а мы все, собравшись вокруг матери, жарко обсуждаем, как будем жить в Америке, и утешаем Анну тем, что за океаном она найдет себе множество других женихов, еще и получше Николая Татарова.

Но все же в тот раз мы не уехали. И причиной стала китайская любовница отца. Когда она узнала, что он собирается в Америку, чтобы удержать его, тут же соврала, что беременна. И отец, который и без того колебался насчет отъезда, вынужден был, проклиная коварство и своеволие глупых женщин, продлить контракт еще на несколько лет.

Мы остались в Шанхае и прожили там следующие четыре года. За это время мы привыкли к тому, что война где-то рядом, но нас она не касается. Однажды Николай Татаров спас меня от китайских беженцев, которые чуть не разорва-

ли меня, когда я, возвращаясь из школы, бросила булочку оборванному китайчонку. Они сбежались в один миг неизвестно откуда и стали клянчить деньги. Я чуть не упала в обморок. Мне стало плохо от вида окруживших меня нищих китайцев.

К счастью, это случилось неподалеку от нашего дома и как раз в это время к нему подъехал на автомобиле Николая Татаров, подвозивший Анну с какого-то благотворительного мероприятия.

Я помню, как Николая ловко разогнал пинками китайцев и прямо-таки вырвал меня из их рук.

Подбежавшая следом Анна тут же начинает меня отчитывать.

– Когда ты научишься себя вести, Ирина?! Не смей связываться с этими вшивыми китайцами! А то скажут, что и ты такая же!..

– Почему их так много... таких... таких?.. – не слушая сестру, бессвязно бормочу я, обращаясь неизвестно к кому. У меня еще кружится голова от шока, и я не могу точно подобрать слова, чтобы выразить какую-то сильно расстроившую меня мысль.

– Беженцы... – снисходительно поясняет Николая. – Японцы захватили часть Китая. К местным нищим присоединились нищие из провинций. Но нас это не касается. Мадемуазель, будьте поосторожнее с ними.

И, сразу забыв об этом инциденте, он поворачивается

к Анне, чтобы продолжить какой-то разговор, который им пришлось из-за меня прервать.

В другой раз я, идя куда-то с Александром, видела, как китайский торговец не успел вовремя убрать свою тележку с товаром с пути проходящих японских солдат и японцы избивали его, а тележку перевернули и разбросали содержимое. Говорили, что солдаты избивают китайцев на улицах показательно, для запугивания, чтобы выбить из них дух сопротивления.

Мы, жители иностранных концессий, не любили японцев, но они вели себя по отношению к белым довольно корректно и их влияние почти не ощущалось в нашей части города. Мы надеялись, что война быстро закончится, но она продолжалась и продолжалась.

Глава 4

В начале сорокового года мать и мы, повзрослевшие дети семьи Коул, стоим у могилы отца.

Отец умер от сердечного приступа. Его компания выделила матери пенсию. Мы стали жить скромнее. Наши планы на будущее поменялись. Теперь, когда отца не было с нами, отъезд в Америку был отложен на еще более неопределенный срок, хотя сотрудники американского консульства настойчиво рекомендовали нам покинуть Китай из-за ухудшающейся политической обстановки. Но как нам было решиться на отъезд? Мы считались американцами только по документам, никогда не видели Америки, и мать отнюдь не жаждала на старости лет куда-то ехать и вновь кардинально менять жизнь. Вполне возможно, мы так и прожили бы в Шанхае до сегодняшнего дня, если бы мировая история повернулась по-другому.

Александр и Лидия поступили в университет Аврора. Анна готовилась к сдаче экзаменов на лицензию учительницы. Я заканчивала школу.

Этот период взросления запомнился мне тем, что жить становилось как-то неуютно, словно удобное и обжитое, но замкнутое пространство детства стало то тут, то там расходиться по швам, а в прорехи моего мирка начал врывать извне холодный воздух реальной жизни.

Господин Евразиец стал намного чаще появляться в нашем доме, помогая привести в порядок дела, совсем разладившиеся после смерти главы семьи.

– А ты знаешь, что китаёза давно спит с нашей матерью? – спросила меня Лидия со своей обычной жестокой прямолинейностью примерно через полгода после похорон отца.

Она достаточно хорошо меня знала и отлично понимала, что это сообщение разрушит мое по-детски наивное представление о матери и ее отношениях с отцом. Лидии нравилось разбивать мои иллюзии и с грубым злорадством наблюдать, как я молча мучаюсь. На фоне не по возрасту искушенных сестер я всегда выглядела инфантильным мечтательным подростком. Ни Лидия, ни Анна не упускали случая безжалостно высмеять мою боязнь реальности.

– Это неправда. Это невозможно, – сказала я Лидии, имея в виду, что мать и господин Евразиец слишком разные и не могли бы найти никаких точек соприкосновения.

Лидия издевательски фыркнула.

– А кто, по-твоему, оплачивает наше обучение?

Только после ее слов я начала задумываться над тем, на какие средства мы живем. В самом деле, пенсии отца не хватило бы, чтобы покрыть все наши расходы.

– Как можно быть такой наивной? Все давно знают, что они любовники. Мать спала с ним, еще когда отец был жив, – добавила Лидия. – Два года назад я случайно подслушала под дверью, что они вместе вытворяли...

– Не надо мне это рассказывать! Ничего не хочу знать! – вскрикнула я с ужасом и отвращением.

Лидия грубо рассмеялась.

– Когда ты наконец повзрослеешь, дурочка? – сказала она.

Я была ошеломлена. Слова Лидии перевернули координаты моего мира, как будто раздвинулись декорации на сцене театра, а за ними обнаружились другие декорации, и не было гарантии, что за этими другими декорациями не найдутся третьи, четвертые – бесконечное количество. Моя простушка мать и невзрачный господин Евразиец сразу стали пугающе сложными и многомерными личностями. Мои брат и сестры стали сложными. Я тоже в один миг превратилась в сложную и непонятную самой себе.

Вопросы секса были табуированы в нашей семье. Я всегда считала, что мать интересуется только домашним хозяйством и нами, а она, оказывается, тайно изменяла отцу и вела себя как шлюха, когда оставалась за закрытыми дверями с господином

Евразийцем, и об этом, похоже, знали все, кроме меня, возможно, даже отец знал, но делал вид, что не знает, потому что «этот китаёза» покрывал его долги. А господин Евразиец в один миг превратился из тихого никчемного человечка в расчетливого и похотливого злодея, который держал нас всех на крючке, хотя нет, жизнь сложна, и даже злодеем я не имею права его называть, потому что он оплачивает наше обучение, и мы все, как выяснилось, живем за его счет, и,

получается, мы не менее никчемны и расчетливы, чем он. А мои сестры и брат! Тоже хороши! Они все знали и продолжали вести себя как обычно, вместо того чтобы сделать хоть что-то, что вернуло бы ситуацию в русло приличий, хотя бы чисто внешне возмутиться, оскорбиться, высказать все в лицо матери и господину Евразийцу!

А как насчет меня самой? Способна ли я что-то поменять, добиться, чтобы мать разорвала эти порочные отношения? «Может, мне следует уйти из дому, порвать с семьей, забыть о ней навсегда и жить самостоятельно?» – размышляла я. Но в этом месте мои рассуждения натыкались на очень неудобные мысли о том, как я собираюсь жить одна и где взять денег, чтобы осуществить свой благородный замысел. Прокрутив несколько раз в голове этот план, я пришла к выводу, что гораздо легче закрыть на все глаза и оставить как есть. Я с горечью и стыдом поняла, что я такая же конформистка, как мои сестры и брат. Юношество из среднего класса ведь вообще всегда склонно к конформизму.

После того разговора с Лидией я ни с кем больше не обсуждала отношения матери и господина Евразийца и ни разу не замечала, чтобы брат или сестры были настроены поднять этот вопрос. Мы все, не сговариваясь, решили, что обеспеченная жизнь стоит выше условностей. Я думала, что умру от стыда за свое жалкое приспособленчество, однако нет – я продолжала жить, как ни в чем не бывало. Кроме того, я даже иногда жалела, что не позволила Лидии рассказать мне, что

именно она подслушала под дверью, когда застучала мать и господина Евразийца вместе.

Летом сорок первого года после нескольких лет ухаживаний за Анной Николая Татаров неожиданно женился на другой девушке. Это разбило сердце не только Анны, но и матери. Анна устраивала истерики, мать плакала вместе с ней и разругалась навсегда с Марией Федоровной. Но если Анна могла себе позволить сколько угодно убиваться над крушением своих надежд, матери пришлось отвлечься на новые проблемы, так как господин Евразиец сообщил ей, что положение западных экспатриантов в Китае становится слишком ненадежным, и предложил нам уехать вместе из Шанхая в Америку, куда он уже перевел часть своего бизнеса.

Мать взяла себя в руки и отодвинула трагедию с Татаровыми на задний план. Она была практичной женщиной и поняла, что нужно уезжать. Это была необходимая мера. Иностранные концессии с каждым днем приобретали все больше черт осажденной крепости. Замужество с Николаем не состоялось, нельзя было потерять еще и господина Евразийца. В конце ноября сорок первого года мы стали собираться в дорогу.

Решено было ехать через Австралию, и господин Евразиец зарезервировал нам всем билеты, но в конце ноября вдруг позвонили из пароходной компании и сообщили, что придется подождать еще неделю-другую, так как на кораблях нет мест. Это был тревожный знак, которому мы все не придали

особого значения.

Всю следующую неделю мы жили на чемоданах в ожидании рейса в Австралию. Это было невыразимо скучное и беспокойное время. Мы, словно узники, сидели целыми днями в квартире среди тюков и чемоданов. Вся мебель была продана. Нам некуда было идти, у нас больше не было никаких дел в городе, да и мать не разрешала отлучаться надолго, так как в любую минуту могли позвонить из агентства и сообщить, что пароход прибыл. Мать нервничала и то и дело принималась плакать, жалуясь на свою несчастную судьбу. Лидия и Анна ссорились от скуки и изводили меня придирками. Александр от нечего делать спал по двенадцать-четырнадцать часов. Единственным развлечением были старые журналы и радиоприемник. Изредка заходил господин Евразиец, и все кидались к нему с надеждой, что сейчас он объявит о прибытии парохода и скажет, что пора ехать на пристань. Но господин Евразиец каждый раз говорил, что следует еще подождать, а он заглянул лишь на пару минут, чтобы узнать, все ли в порядке, и удостовериться, что мы готовы к выходу в любую минуту.

Когда он долго не появлялся, мать, беспокойством доводя себя до иступления, заставляла нас переупаковывать вещи. Я пользовалась моментом и спрашивала, не надо ли купить еще что-нибудь в дорогу в лавке на соседней улице. Она давала мне немного денег и посылала за покупками, приказав ни в коем случае нигде не задерживаться. Я радовалась этим

кратковременным отлучкам из квартиры, превратившейся в тюрьму, как маленькому празднику.

Я помню, как в один из этих дней я выхожу с покупками из лавки и медленно иду по только что выпавшему, но уже тающему снегу не в сторону нашего дома, а в противоположную. Я хочу дойти до перекрестка, прогуляться, подышать свободой, забыть на несколько минут об унылом сидении в закрытом помещении. Потом я медленно возвращаюсь. Из соседнего дома выносят мебель – соседи толи переезжают, толи собираются уезжать навсегда, как и мы.

Дверь в нашу квартиру не заперта – ее забыли закрыть, когда я уходила. Мать, брат и сестры суетятся над грудями тюков. Мать – сама энергия, но ее активность болезненная, на грани истерики. Она порывается куда-то, но спотыкается об угол большой коробки.

– Запакуй же, наконец, эту коробку, Лида! – нервно кричит она. – Господи, какие все бестолковые!

Я незаметно вхожу, стараясь не привлекать ее внимания. Но она замечает меня.

– Ирина! Где ты была так долго? Ты купила, что я велела?

– Да, мама, – говорю я, начиная раскладывать покупки на полу – стола-то нет.

Мать забывает обо мне, поворачивается к Анне:

– Анна, проверь еще раз документы. Документы – самое главное. Боже мой! Как тяжело все делать самой! – Она коротко всплакивает, но тут же берет себя в руки и снова при-

стает к Анне: – Проверь еще раз, чтобы ничего не пропало, не потерялось. Проверь. Оставь все и проверь.

– Десятки раз уже проверяла! – огрызается Анна, со злостью бросает тук, который зашивала, и начинает перебирать пачку наших дорожных документов.

В такой бессцельной деятельности мы изнывали еще несколько дней. Однажды рано утром мы все в ужасе проснулись от непрекращающихся звонков в дверь. За окнами было еще темно. В квартиру ворвался господин Евразиец и сказал, что у нас есть пять минут, чтобы собраться. Он потребовал брать с собой как можно меньше вещей – только самое необходимое.

– Как? Почему? – спросила мать, заикаясь от волнения и испуга. – Как можно бросить вещи? Что случилось, Оливер?

– Перл Харбор атакован, – кратко сказал господин Евразиец и уточнил: – Война, началась война, Элизабет.

Мы были оглушены этой новостью. Мы знали, мы предполагали, что будет война, но мы все равно не были готовы к ней.

Господин Евразиец сообщил, что на одной из пристаней находится торговое судно «Розалинда», готовое взять на борт беженцев-экспатриантов. Он договорился с капитаном, и тот уже внес нас в списки.

Мы быстро собрались. Двое китайцев, которых привел господин Евразиец, помогли нам вынести вещи и загрузить их в один из двух автомобилей, ожидавших у ворот. За ру-

лем машин были господин Евразиец и подручный китаец.

Пока мы ехали, господин Евразиец шепнул матери, что взнос за пропуск на судно составляет пятьсот долларов за человека, это огромные деньги. Услышав, какую сумму он уплатил за нас, мы вдруг в один миг осознали, как на самом деле богат и влиятелен этот невзрачный человечек, похожий на школьного учителя.

Часть вещей все же пришлось бросить, так как для них не хватило места в автомобилях. Мать не могла с этим смириться и тихо причитала, пока мы ехали к пристани. Однако когда мы добрались туда, где стояло судно, мы поняли, что придется оставить еще половину багажа. К небольшому невзрачному кораблю, качающемуся на волнах, вели длинные узкие мостки, сделанные из деревянных настилов, наброшенных на торчавшие из воды сваи. По ним можно было пройти лишь один раз, потому что время поджимало и ни толпа на пристани, ни капитан не позволили бы пассажиру сделать второй заход. Тот, кто собирался подняться на борт, мог пронести только то, что держал в руках.

Площадка у сходней была оцеплена вооруженными членами команды. У импровизированного пропускного пункта собралось огромное количество людей с горами чемоданов и ящиков.

Другой подручный господина Евразийца уже ждал нас на пристани. Он и господин Евразиец проложили нам путь к месту в очереди тех, кто оплатил проезд и попал в список. Мы

старались держаться в давке как можно ближе друг к другу. Мы стояли среди взбудораженной толпы и вдруг поняли, что вокруг полно людей, которые не попали в списки, и они либо не знают, что такие списки существуют, либо знают, но все равно надеются, что их возьмут на борт. Это было страшное открытие. Оказалось, даже громадные деньги, которые заплатил за нас господин Евразиец, не гарантировали попадания на судно – ибо в любой момент кто-то более агрессивный и сильный мог оттереть нас и занять наши места.

Господин Евразиец, мать и Александр – впереди. Еще когда господин Евразиец рассчитывался у автомобиля с китайцем, который держал ему место в очереди, мать распределила между нами, кому какие вещи нести. Александр должен помогать господину Евразийцу втаскивать на корабль самые тяжелые тюки. Анна и мать держат за ручки большой чемодан. У меня и у Лидии в руках несколько узлов из сшитых вместе простыней; когда я устаю держать свои узлы на весу, я ставлю их на землю, но ненадолго, потому что очередь движется непредсказуемо и, если я зазеваюсь, их растопчут и запинаят те, кто подступает сзади.

Во время передышки, когда я освобождаю руки, я стараюсь осмотреться. За нами стоят мужчина и женщина, по-видимому, муж и жена. Женщина держит в руках чемоданы, мужчина крепко сжимает ручки инвалидного кресла, в котором сидит сгорбленная старуха. За ними я различаю женщину, которая держит в руках мелкую собачонку – это ее един-

ственный груз. У собачонки и у старухи в кресле одинаково испуганный взгляд.

Мать впереди все время тревожно оглядывается на нас с Лидией.

– Стойте вместе! – кричит она нам. – Лидия, возьми Ирку за руку. Не отпускай ее от себя.

Лидия фыркает.

– Как я возьму ее за руку, мама? У меня только две руки – и те заняты.

Наконец мы добираемся до площадки, где человек с судна проверяет документы и сверяет их со списком. Я напряженно смотрю вперед: господин Евразиец предъявляет свои бумаги человеку, проверяющему документы, потом, указывая на нас, что-то говорит. Человек со списком кивает, делает знак, чтобы мы проходили.

Господин Евразиец и Александр тащат по деревянным мосткам наш багаж. За ними мать и Анна, напрягая все силы, волочат большой чемодан. Затем приходит очередь Лидии вступить на длинную деревянную дорожку к судну. Я немного замешкалась – один из моих узлов развязался, и несколько предметов выпало наружу. Я торопливо собираю содержимое. Лидия, отойдя немного, оборачивается, обеспокоенно глядя на меня.

– Эй, что у тебя там? Побыстрее, поторопись, – говорит она.

Это были последние слова члена моей семьи, которые я

услышала, прежде чем расстаться с родными навсегда. Самые последние слова. Я много раз рефлексировала над ними впоследствии, вкладывала в них то одно, то другое значение, но так и не разгадала их сакральный смысл. А ведь сакральность непременно должна была присутствовать – это же были последние слова перед расставанием.

Тем временем я еще немного отстаю в очереди, а Лидия со своими узлами уже далеко. Рядом со мной человек с «Розалинды» уже проверяет бумаги семьи с инвалидным креслом и дает им разрешение продвигаться. Мужчина заводит кресло на деревянные мостки, но тут вдруг что-то идет не так: то ли сдвигается настил, то ли съезжает колесо – и кресло, накренившись, начинает медленно падать. Мужчина отчаянно пытается удержать то кресло, то старуху, беспомощно сползающую с него. Его жена вскрикивает, роняет вещи и бросается всем телом на вторую половину кресла, чтобы своим весом хотя бы затормозить падение.

Мужчина со списком вовремя поспекает им на помощь. Кресло благополучно вытягивают на деревянный настил, но становится ясно, что катить его слишком опасно – его можно только нести.

Толпа за моей спиной начинает волноваться сильнее.

– Ты постой тут за меня, Гарри. Придется мне тащить эту старую каргу. Почти всех своих уже взяли, смотри лишних не бери, – говорит мужчина со списком другому члену команды. Он сует ему список и подхватывает кресло сзади, по-

могая родственнику старухи продвигаться к кораблю.

Гарри быстро просматривает список. Женщина с собачонкой предьявляет ему свои бумаги, он кивает и пропускает ее. Я собираюсь пройти за ней, но Гарри вдруг останавливает меня, грубо хватая за плечо.

– Эй, вы кто, барышня? – спрашивает он меня.

– Я Ирэн Коул. Семья Коул. Я есть в списке, – объясняю, растерявшись, я.

Гарри опять смотрит в список.

– Коул уже на борту, – заявляет он.

– Но как же?.. Я... Я задержалась... Я...

– У вас есть документы? – перебивает он. И оттирает меня в сторону, начиная проверять по списку других людей из очереди.

Я принимаюсь лихорадочно рыться в вещах в поисках своих бумаг, опять развязываю узел. Меня толкают и пинают со всех сторон, но я не замечаю этого. Паспорта нигде нет. Тут я вспоминаю, что он, кажется, остался у Анны вместе с остальными документами. Но Анна уже на корабле. Все наши уже на корабле.

Сразу после женщины с собачкой на сходни вступают несколько человек, тянущих с собой громоздкие предметы. Из-за этого продвижение очереди опять тормозится, и перепуганная задержкой толпа насаждает все сильнее. Среди беженцев молниеносно проносится слух, что погрузка заканчивается, и люди начинают паниковать. В полном заме-

шательстве я делаю попытки снова приблизиться к Гарри, чтобы объяснить, что произошло, но меня отталкивают все дальше и дальше от пропускного пункта. Чтобы добраться до Гарри, мне нужно тоже изо всех сил толкать и пинать всех на своем пути, а я совершенно не в состоянии это делать. Я не умею это делать. Мне всегда было легче уступить, чем кого-то намеренно толкнуть.

Меня вытесняют за ограждение, где я и стою в растерянности, время от времени отшатываясь от наплыва людей.

Вооруженные моряки едва сдерживают теряющих голову беженцев. Я вижу, как Гарри делает знаки в сторону лодки, которая дрейфует рядом с мостками. Лодка быстро подплывает. Пока Гарри и другие люди с судна запрыгивают на корму, двое моряков на носу лодки ловко подхватывают и стаскивают вниз фрагмент деревянного настила, так, чтобы перерезать путь к судну обезумевшим беженцам. Затем лодка уходит к судну.

Толпа продолжает наседавать. Люди сзади не видят, что проход невозможен, и продолжают напирать на тех, кто впереди. Двух-трех человек выдавливают в проем между сваями. Наблюдая за этой сценой, я воочию убеждаюсь, что моя обычная податливость и неспособность к сопротивлению в первый раз в жизни сыграли мне на руку и уберегли от смерти или увечья: ведь если бы я, проявив настойчивость, сумела пробиться к тому месту, где стоял Гарри, меня бы сейчас тоже снесло в ледяную воду.

Но эта мысль не задерживается у меня в голове. Я стою и, оупев от растерянности, смотрю на «Розалинду», качающуюся уже довольно далеко от берега.

«Эй, постойте, а как же я? Вы забыли меня! Вернитесь!» – ошеломленно бормочу я, но шум толпы полностью перекрывает мой голос, и я замолкаю, понимая, что в этом нет смысла. И просто стою в глупой надежде, что сейчас что-то произойдет, возможно, мать и господин Евразиец уговорят и подкупят капитана и меня каким-то чудесным образом возьмут на борт. Умом я понимаю, что это конец и у меня уже нет никаких шансов попасть на корабль, но эмоционально я еще не способна реагировать на катастрофу.

«Розалинда» ушла. С нее доносились чьи-то бессвязные крики, может быть, это кричала мать. Я стояла и наблюдала, как судно медленно удаляется, еще не понимая, что его уход навсегда изменил мою жизнь.

Глава 5

К вечеру я вернулась во Французскую концессию. Я совершенно выбилась из сил, добираясь до нашего дома из неизвестной мне части Шанхая. Я несколько раз забредала не в ту сторону, потому что плохо понимала китайцев, объяснявших мне дорогу. Я приволокла с собой обратно узлы с вещами. Они промокли и потемнели от грязи, и, как ни тяжело мне было их тащить, я ни за что не хотела их бросать, так как это было теперь мое единственное имущество.

Дверь в квартиру была открыта – ее не заперли в спешке. В округе, похоже, как-то узнали о нашем отъезде, и кто-то уже наведалься, потому что большая часть брошенных нами вещей была вынесена, а оставшиеся валялись как попало. Но наша аренда истекла только в конце декабря, и, значит, на некоторое время у меня была крыша над головой.

Я бросила узлы у входа и просто упала на них ничком в полном изнеможении. От усталости и шока у меня не было никаких мыслей, не было даже эмоций. Я заснула, не позаботившись запереть входную дверь.

Спала я, видимо, долго. Вдруг дверь отворилась, и я с замирающим сердцем увидела, как входят мама, брат и сестры, таща за собой тюки и чемоданы.

Я радостно бросаюсь к ним.

– Я знала, что вы все вернетесь! – кричу я в ликование.

– Ира! Ирина! Ну наконец ты нашлась! Ах, как мы переживали!.. – наперебой кричат Александр и Лидия, бросаясь ко мне.

– Ну и хлопот ты нам задала! – мрачно тянет Анна. – Нам пришлось сойти на берег... Господин Евразиец потратил из-за тебя целое состояние...

– Ох, слава Богу, слава Богу, нашлась, наконец нашлась деточка моя... – восклицает мать, пыхтя и охая от слишком быстрой ходьбы.

Я облегченно вздыхаю. Страшное приключение закончилось, ужас одиночества позади!

– Раз уж мы никуда из-за тебя не уехали, нужно поторопиться, чтобы хорошенько подготовиться к празднику, – вдруг говорит мать странным, немного раздраженным тоном.

Меня удивляет, что ее настроение так резко изменилось. Я совершенно не понимаю, о каком празднике она говорит.

– Праздник? О чем ты, мама?

Мать, больше не замечая меня, хлопает в ладоши и командует:

– побыстрее, девочки, Александр, поторопитесь! Сегодня у Ирины совершеннолетие!.. Приготовьте все как следует! Все-таки у нас приличный дом... Мы все должны сделать, как положено... Быстрее, быстрее, ну же!..

Я с изумлением вижу, как у матери, брата и сестер в руках возникают какие-то предметы, похожие на подарки ко

дню рождения, – торт, свечи, какие-то красивые коробки. Они деловито начинают раскладывать эти вещи на видных местах. Они совсем не обращают внимания на меня, как бы кружатся вокруг меня в странном безумном хороводе. Оознавая, что происходит что-то ненормальное, я прихожу в ужас, пытаюсь их остановить, пытаюсь обратиться к каждому с просьбой перестать меня пугать, но голос мне не подчиняется. Мое горло сковали спазмы рыданий.

– Дети, нам пора идти, – говорит мать тем же странным отчужденным тоном. – Ирина теперь обойдется без нас...

Мать, брат и сестры плавно обходят меня и вереницей, не оглядываясь, покидают квартиру. Я, задыхаясь от слез, мечусь, пытаюсь их остановить – и просыпаюсь, частично успевая услышать саму себя, когда, плача во сне, по-русски и по-английски умоляю своих родных остаться:

– Мама!.. Мамочка!.. Не надо!.. Пожалуйста, не надо... Куда же вы?..

В пустой квартире темно. Я села на узах и стала вытирать ладонями мокрые глаза. Я не знала, что делать дальше. Я боялась заснуть, потому что боялась нового кошмара, и мне так же страшно было бодрствовать, потому что реальность – это кошмар наяву. Я казалась себе самым жалким и нелепым человеком на земле. Разве не нелепо было с моей стороны не успеть вовремя подняться на борт «Розалинды»? Мне хотелось исчезнуть, умереть. Мне было холодно и страшно.

Через некоторое время я кое-как стряхнула с себя оцепе-

нелюю обреченность, включила свет и принялась проверять, что находится в тюках, которые я притащила с пристани. Там обнаружилось немного булочек и фруктов, при виде которых я вспомнила, что страшно голодна. Еда немного приободрила меня. Я начала отбирать из вещей те, которые должны пригодиться мне в первое время, и строить планы, как жить в мире, где для меня нет места.

В юности многие беды кажутся преодолимыми. На следующее утро я начала искать способы выжить – до тех пор пока мои родные не вернутся и не заберут меня. Я не сомневалась, что нужно лишь недолго продержаться – и все будет как прежде.

Я привела себя в порядок, насколько это было возможно в моих жалких условиях, и стала обходить наших русских знакомых с просьбой если не приютить, то хоть чем-нибудь помочь мне. У меня было три адреса, куда я могла обратиться: одной богомольной русской старушки, с которой дружила мать, семьи конторщика, которому мать однажды помогла собрать деньги на лечение ребенка, и своей школьной подруги.

Старушка-богомолка выпроводила меня сразу, как только узнала, что случилось. Она быстро сообразила, что к чему, и не захотела связываться. Правда, она усиленно крестила меня, когда вела к дверям, сердечно желала, чтобы мои невзгоды поскорей прошли, и сунула булочку на дорогу. Как ни горько мне было, от булочки я не смогла отказаться. Кон-

торщик даже не пустил меня в квартиру. Он подозрительно смерил меня взглядом с головы до ног, выслушал и кратко отказал в помощи прямо на пороге. По адресу семьи школьной подруги проживали теперь какие-то другие люди, которые не знали, куда переехали предыдущие жильцы.

Исчерпав все свои знакомства, растрепанная, измученная и голодная, я бесцельно стояла на улице с оттягивавшими руки вещами – их приходилось носить с собой, потому что иначе их могли украсть – и размышляла, не стоит ли поискать помощи у Татаровых, даже несмотря на то, что мать и Мария Федоровна стали врагами после женитьбы Николая. Я больше не знала никаких других возможностей. Если и Мария Федоровна откажет, думала я в отчаянии, то, скорее всего, я кончу тем, что свалюсь и умру от истощения где-нибудь на улице или начну торговать своим телом за кусок хлеба, как делали многие нищие белоэмигрантки.

Китаец, наблюдавший за мной из лавки напротив, вышел и сунул мне из жалости лепешку. Когда я ее съела, в голове немного прояснилось. Я вспомнила, что на улице Жофр находился женский католический монастырь, и решила обратиться к монахиням.

В монастыре меня накормили и дали адреса миссионерских обществ Шанхая с советом поискать там работу. На следующий день я стала обивать пороги больниц и религиозных общин. Довольно скоро мне повезло: миссис Янг, руководившая больницей при Южной баптистской миссии, вы-

слушала мою историю, долго о чем-то размышляла, оценивающе глядя на меня, а потом коротко сообщила, что она готова предоставить мне еду и жилье за услуги в качестве уборщицы и прачки. Миссис Янг была женщина властная и немногословная, предпочитавшая держать подчиненных на расстоянии, поэтому я так никогда и не узнала, что побудило ее помочь мне: сочувствие юному существу, оставшемуся без крова на грани гибели, холодное исполнение христианского долга или просто расчетливое желание иметь бесплатную работницу, которой было удобно давать указания, так как она понимала по-английски.

Впрочем, по части расчетливости – если таковая имела место – я не уступила бы миссис Янг. Я вела себя отнюдь не как образцовая «дева в беде», благородная, доверчивая и наивная. Когда миссис Янг оглядывала меня с ног до головы, чтобы выяснить, с кем имеет дело, я, с тревогой ожидая ее решения, изо всех сил старалась выглядеть как можно более несчастной и жалкой, словно какая-нибудь попрошайка или нищенка, которая пытается разжалобить потенциального благодетеля, и, если понадобится, готова была униженно умолять ее оставить меня при миссии. Однако миссис Янг обладала солидным жизненным опытом, чтобы составить представление о моих несчастьях и без моих жалких актерских ужимок; ей было достаточно взгляда на мое осунувшееся лицо, спутавшиеся волосы и измятую одежду.

В любом случае, какими бы мотивами с обеих сторон ни

было обусловлено милостивое разрешение миссис Янг на мое проживание при баптистской больнице, для меня это была огромная удача. В противном случае я, скорее всего, очень быстро угодила бы на панель.

Жизнь при больнице была суровой. Я так уставала в первые дни, что часто засыпала одетой, потому что не было сил раздеться. Работать приходилось посменно, перерывы предполагались только для приема пищи и сна. Еда была однообразной, и часто мой обед состоял из миски риса, приправленного щепоткой корицы. Мне выделили место в общежитии. С жившими при больнице простыми бедными китайками я мало общалась, а белый персонал не обращал на меня внимания, кроме тех случаев, когда нужно было отчитать меня за что-нибудь. Свободного времени не было, если не считать короткие паузы между заданиями и часы затишья во время ночных дежурств. Целыми днями и ночами я только и делала, что драила полы и стены в коридорах и палатах, сортировала и стирала грязные бинты и выполняла другую грязную работу. Но мне не приходило в голову жаловаться на тяжелые условия. Жизнь была, конечно, несладкой, но она была все же гораздо лучше, чем жизнь на улице. И ведь это ненадолго, так что можно и потерпеть, успокаивала я себя, ведь через несколько месяцев война кончится, мама и все вернутся, и все будет как прежде.

Через несколько недель в моей внешности произошли первые преобразования, повлеченные самостоятельной жиз-

нюю. Женственность была безжалостно отвергнута ради функциональности. В движениях стало меньше мягкости, но больше точности. Длинные волосы были обрезаны без лишних раздумий. На голове появилась косынка, повязанная наподобие банданы. Я стала одеваться в мужскую одежду и выглядела теперь, как мальчик-подросток.

Когда японцы проводили регистрацию белого населения Шанхая, я честно предоставила властям все сведения о себе и рассказала свою историю как есть. Позднее всем гражданам «враждебных стран» было предписано носить нарукавные повязки со специальными знаками, и тут оказалось, что я не подпадаю под это распоряжение, потому что была зарегистрирована японцами как «незаконнорожденная дочь русской эмигрантки, покинувшей Шанхай со своим любовником-англичанином». Я так никогда и не узнала, зачем миссис Янг убедила японцев в этой версии моего происхождения. То ли она хотела уберечь меня от дальнейших гонений, то ли просто не могла внутренне согласиться с тем, что такое жалкое потерянное существо, как я, лепечущее по-английски с прорывающимся русским акцентом, имело равные с ней права на полноценное американское гражданство.

Самыми счастливыми часами того времени были ночные дежурства. В мои обязанности входила уборка нескольких административных офисов, среди которых был кабинет миссис Янг. Я приходила туда после того, как переделывала все обычные работы. Если справиться с уборкой быстро, то оста-

нется немного времени, чтобы включить радио и поискать сообщения о военных действиях. Так как в моем сознании возвращение семьи было тесно связано с завершением войны, можно представить, как жадно я искала такие новости. Но это был тысяча девятьсот сорок второй год, и войне конца-края не было.

Кабинет был полностью в моем распоряжении до начала утренних дежурств. Он был моей тихой гаванью, моим тайным оазисом недолгого комфорта в конце ночной смены. Он напоминал о доме и о жизни без войны. В нем были роскошный кожаный диван и большой письменный стол: на диване можно было лежать, слушая радио, а стол был похож на стол в кабинете моего отца. И еще – радиоприемник. Радиоприемник был моей связью с миром.

Я искала в нем англоязычные новости о ходе войны. Найти их было трудно, и приходилось постоянно корректировать настройку, так как нужная волна самопроизвольно ускользала. Английская речь успокаивала меня. Казалось, что там, где-то далеко, откуда доносятся эти голоса, находятся моя мать и все остальные, и с ними все в порядке, и они помнят обо мне, и при первой же возможности готовы вернуться и окружить меня заботой, забрать меня из внезапно сделавшегося чужим Шанхая куда-то туда, в нормальную счастливую жизнь.

Новости о войне, тем не менее, были неутешительные. Ведь это был сорок второй год. Но я помню точно, что это

были счастливые часы. Откуда было взяться ощущению счастья, я не знаю. Наверное, счастье создавалось надеждой юного существа.

Я помню, как чувство счастья охватывало меня каждый раз, когда я входила в кабинет миссис Янг и включала красивую бронзовую лампу на столе. Затем я настраивала радиоприемник на какую-нибудь музыку. Музыка была для меня невообразимой роскошью в те времена. В Средние века богатые люди поглощали пищу под музицирование – я же под звуки музыки убирала кабинет миссис Янг.

Вот с уборкой покончено, я устраиваюсь рядом с радио на диване миссис Янг и начинаю крутить настройку, чтобы поймать новости. Я старательно вслушиваюсь в малоизвестные географические названия и страшно жалею, что у меня нет карты, чтобы проследить продвижение войск.

– Войска противника захватили... Войска захватили... – повторяю я вслед за диктором, пытаюсь представить, где находится захваченное противником место. – Нет, так не пойдет... Они все время отступают! Когда же они начнут наступать?..

Армии Альянса продувают одно сражение за другим. Это означает, что победа будет не скоро и мое воссоединение с семьей снова откладывается. Меня это очень расстраивает.

Я встаю с дивана и подхожу к окну. За окном – ночь, дождь, стекающие струи, отблески капель. Я вижу свое отражение: наивное, грустное, полудетское лицо. Я пытаюсь раз-

глядеть ночное пространство за окном, потом прислоняюсь лбом к холодному стеклу.

– Мамочка, когда же ты вернешься?.. Когда же все наконец вернутся? Когда все будет как прежде? – вздыхаю я.

Глупая белая девушка из семьи среднего класса, которая еще не догадывается, что ничего уже не будет, как прежде.

Затем я вспоминаю, что должна еще протереть бронзовые безделушки на столе, иначе получу нагоняй от миссис Янг. Я наскоро перевязываю бандану и возвращаюсь к своей работе.

Глава 6

Я прожила при баптистской больнице до начала сорок третьего года – пока не наступил второй этап интернирования граждан стран, воюющих с Японией. В этот раз японцы взялись всерьез за оставшиеся в Шанхае религиозные общины и благотворительные миссии.

Однажды я вернулась из города, куда ходила по поручению, и застала всю больницу перевернутой вверх дном. Во дворе стояли грузовики. Пациенты были брошены на произвол судьбы, китайские работники исчезли, а американский персонал суетился, собирая личные вещи, под присмотром японских солдат.

Перепуганная, я начала было собираться в лагерь вместе с остальными, но очень быстро выяснилось, что по японским спискам я числюсь не американкой, а русской. Японцы позволили мне забрать пожитки и практически вытолкали вон.

Я растерянно стояла на улице с охапкой вещей, наспех завернутых в одеяло. Я смотрела издали, как медсестры и врачи бредут к грузовикам. Моя грозная начальница, миссис Янг, неловко карабкавшаяся в кузов, когда ее подтолкнул, поторапливая, один из японцев, выглядела совсем не страшной и даже немного жалкой.

Грузовики стали отъезжать. Я побрела прочь от больницы, сама не зная куда. Мне снова надо было искать пристанище.

Я бы предпочла лагерь бездомности.

Впрочем, целый год самостоятельной жизни не прошел даром и нанес сильный удар по моей буржуазной щепетильности. Я уже немного научилась пренебрегать условностями. Я пошла просить помощи у Татаровых. В конце концов, моя мать помогала их семье в трудное время – почему бы им не помочь мне, ее дочери? В своей прошлой жизни – до ухода «Розалинды» – я без колебаний отказалась бы обращаться с любыми просьбами к людям, чей сын предположительно должен был жениться на моей старшей сестре, но так и не женился, – но то было до ухода «Розалинды», когда мир был другим и мое место в нем еще позволяло мне задаваться вопросами приличий.

Справедливости ради следует отметить, что я пошла к Татаровым после того, как провела полночи на ступеньках небольшого спуска к реке. Это был грузовой спуск – без парапета, со ступеньками, не достигающими до уровня воды. Заснув на куче своей одежды, я склонялась все ниже и ниже к обрыву лестницы, пока какой-то прохожий не заметил меня и не разбудил до того, как я свалилась в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.